

Ая Грин

Уроки
Жестокости



Ая Грин

Уроки Жестокости

«Литнет»

2025

Грин А.

Уроки Жестокости / А. Грин — «Литнет», 2025

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ В ШКОЛЕ, ГДЕ ЛЮБОВЬ — РОСКОШЬ, А СЛАБОСТЬ — ПРИГОВОР. Алиса — девочка с прошлым, которое её не отпускает. Тихая, закрытая, с глазами, в которых затаилась боль. Она приехала в элитную школу «Оникс», чтобы начать новую жизнь, раскрыть правду о гибели своей матери и снять обвинения с отца. Но здесь стены помнят больше, чем должны, а тени живут дольше, чем положено. Матвей — наследник влиятельной семьи. Опасный. Привлекательный. Ломает людей молча. В хоккейной команде — капитан. В школе — хищник. Для него Алиса — вызов. Та, кого он должен сломать... или кто сломает его самого. Это история любви, рождённой из ненависти. Истина, за которую придётся заплатить. И борьба, где ставка — не только сердце, но и жизнь. Психологическая драма Властный герой ✂️# Темные тайны ❤️# Медленно разгорающееся чувство Отдельная история про Артема и Лизу Секреты прошлого, которые меняют всё #тёмнаяромантика #жестокийгерой #одержимость #ненавистьипротяжение #токсичныетоксичныероман #любовьисквозьболь #сложныеотношения #онопасный #психологическаядрама #темныесекреты #элитнаяшкола #академия #властныйгерой #сильнаягероиня #таинственныйпарень #медленноразвивающаясялюбовь #отненавистидо #поцелуйпослесссоры #эмоциональныекатастрофы #семейныетайны #жестокаяигра #месть #школаивласть #спортивнаялиния #хоккей #интриги #стенаизсекретов #хищникижертва

© Грин А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Чужая	9
Глава 2. Встреча с хищником	14
Глава 3. Правила игры	17
Глава 4. Наследство	20
Глава 5. Провокация	24
Глава 6. Ловушка в библиотеке	27
Глава 7. Первая кровь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

“Don’t get too close,
 It’s dark inside,
 It’s where my demons hide.”

Imagine Dragons — „Demons“

Пролог

*Некоторые школы строят стены, чтобы защитить.
 Эта — чтобы не выпустить. Не людей, нет. Истории. Секреты. Тени.
 Здесь не просто учат. Здесь наблюдают. Ломают. Формируют.
 Здесь выбирают: ты станешь охотником — или останешься жертвой.*

Школа «Оникс» возвышалась над городом, как вымершее животное, забытое богами, но не людьми. Её фасады были чересчур гладкими, окна — узкими, будто щелями в маске палача. Камень казался влажным даже в солнечную погоду, а коридоры не скрипели — они дышали. Как если бы само здание было живым, с памятью, впитанной в полы и стены.

Говорили, что в стенах этой школы всё ещё слышны шаги тех, кто когда-то не справился. Здесь у страха был адрес, у боли — расписание, у одиночества — своё постоянное место в классе. Учителя редко улыбались, а те, кто слишком много спрашивал, быстро теряли интерес — или голос.

«Оникс» не выпускал просто выпускников. Он выплёвывал обломки. Ломал, переливал, превращал в нечто новое. В этой школе нельзя было остаться собой — можно было лишь выжить, став кем-то другим.

Алиса узнала это слишком поздно.

Снаружи "Оникс" выглядел как мечта министерства образования — стерильный, просторный, выверенный. Три корпуса из стекла и бетона, соединённые закрытыми переходами, с просторным холлом, сверкающими лампами и мягкими диванами в зонах отдыха.
 Оборудованный спортзал, собственный каток, электронные пропуска и камеры под каждым углом. Современная школа — фасад, вылизанный до идеала. Но даже за стеклянной чистотой здесь что-то пряталось.

Школа будто жила собственной жизнью. Холодные стены гудели — не от техники, а от напряжения, которое не рассеивалось даже в каникулы. Воздух не проветривался — он накапливался. Наслоениями чужих эмоций. Ошибок. Паники.

Здесь никто не бегал по коридорам, но все будто торопились. Слово здание диктовало ритм, командовало — когда войти, когда замереть.
 Стены были слишком гладкими, чтобы не слышать. Слишком белыми, чтобы не казаться больничными. Слишком пустыми, чтобы не скрывать наблюдение.

«Оникс» был не просто школой. Он был системой. Структурой. Организмом, питающимся слабостью.
 Он не унижал напрямую. Он давал тебе выбор — встать или упасть. Но если ты вставал, то уже не был прежним. А если падал... здесь умели делать вид, что тебя не было.

В спортзале пахло потом и амбициями. Каток, залитый идеальным льдом, знал о падениях больше, чем любой кабинет психолога. В раздевалках — полушёпот, полуугрозы.
 «Оникс» не орал. Он дышал в ухо. Тихо, почти ласково, пока ты не переставал чувствовать, где твой голос, а где его.

Даже на переменах здесь не было настоящего шума. Только напряжение, разлитое по венам. Кто с кем не говорит. Кто на кого смотрит. Кто упал. Кто выжил.
 Здесь не задавали лишних вопросов. Только ждали, кто сломается следующим.

Современная архитектура. Инновационная программа. Спорт и культура.
 Но Алиса знала — это не школа будущего. Это школа подмен.
 Здесь талант превращали в инстру-

мент. А слабость — в повод для охоты.
Здесь не учили быть сильными.
Здесь учили быть опасными.

Когда Алиса впервые увидела здание школы, ей показалось, что она стоит перед не тенью, а перед капканом — из стекла, стали и холода. Всё здесь было слишком правильным, будто стерильным: белые стены, отполированные до зеркального блеска полы, взгляд охранника — ровно настолько вежливый, чтобы скрыть равнодушие. В воздухе витала та самая угрожающая тишина, которая появляется в операционных — за секунду до разреза.

Она пришла сюда не за друзьями и точно не за знаниями.
Алиса пришла за ответами.

Слишком много в её жизни осталось без точки: мать, исчезнувшая из больницы и объявленная «недееспособной» — хотя у той хватало ума, чтобы предупреждать. «Если со мной что-то случится, не верь им», — шептала она в темноте, сжимая Алисе ладонь до боли. Отец, которого лишили всего — имени, доверия, жизни — и обвинили в том, чего он не делал. Её дом распался на куски, и если раньше она просто мечтала исчезнуть вместе с ним, теперь в ней росло нечто другое. Осторожное, жгучее.
Желание понять. Доказать. Вернуть хотя бы тень справедливости.

На катке, за бронированным стеклом, шёл матч. Не урок физкультуры — тренировка хоккейной команды. Броски были жёсткими, как удары. Тела сталкивались с хрустом. Кто-то из игроков —развернулся резко, отбросив клюшку в сторону, и заехал по борту с такой силой, будто хотел пробить не лёд, а реальность.

Он не закричал. Просто стиснул челюсти.
— Матвей, — сказала девушка рядом с Алисой. — Центральной. Не промахивайся перед ним. Никогда.

Алиса молча кивнула, но внутри уже затаилась дрожь. Не страх — предчувствие.
Как будто всё, что она видела до этого — это была витрина. А настоящая школа начиналась именно здесь: на льду, где сбивали с ног, и в коридорах, где добивали взглядом.

Оникс стал для неё полем боя, прежде чем она успела адаптироваться.

Это место не было школой. Оно скорее напоминало живую машину — из бронзы, льда и страха, где каждый шаг фиксировался, каждый взгляд считывался. Люди здесь играли роли — одни слишком ярко, другие — слишком сдержанно. Одноклассники говорили гладко, двигались плавно, но в их глазах жили маленькие огоньки — высокомерие, расчет, пустота.

И среди них — он.

Матвей Зимин не был похож на других. Он не нуждался в напускной важности, не тратил время на сплетни или маски. В нём чувствовалось что-то хищное, почти звериное — тишина перед прыжком, неподвижность, в которой таится угроза. Он не смотрел — он вскрывал. Говорил мало, но каждое слово отзывалось у неё под кожей.

Он не мешал ей искать правду. Он ставил ловушки.

Ни одна их встреча не была случайной. Ни один его жест — без смысла. Он будто сам писал её путь — с иронией, со злобой, с тем вниманием, от которого невозможно было спрятаться. Он проверял границы — её границы. Уважения, стыда, страха. И каждый раз, когда Алиса думала, что зашла слишком далеко, он делал ещё один шаг — разрушал всё, что казалось ей опорой.

Поначалу она верила, что ненавидит его. Потом — что боится.
Но внутри этой ненависти горел интерес.
А под страхом — непрощенное узнавание.

Матвей не был причиной её боли. Но он стал её зеркалом.
Он напоминал о том, что внутри неё тоже что-то треснуло. Что она, возможно, уже не спасает себя — а мстит. Что её борьба за правду больше похожа на отчаянный крик в пустоту: *«Посмотрите. Я здесь. И я помню»*.

Иногда ей казалось, что он знает всё. Что он уже был там — в той самой тьме, где кончается логика, но начинается истина. И всё, что он делает, — это дразнит её, вынуждая идти следом.

Может быть, поэтому она не смогла уйти сразу.

Она не искала спасения. И не ждала любви.
Она просто хотела докопаться до истины.

Глава 1. Чужая

Глава 1. Чужая

Дверь перед ней распахнулась сама. Ни скрипа, ни предупреждения — только мягкий шелест и глухое *дзиньк* от сенсорного замка. Металл был чёрным, зеркальным, как стекло надгробья. Алиса переступила порог.

Шаг — и будто влетела в другое измерение.

Под подошвами ботинок — глянец, как зеркало, пол. По бокам — хромированные арки рамок с биосканерами. Свет падал под углом, превращая обычный коридор в выставку архитектурной ледяной роскоши. Здесь всё блистало: хрустальные люстры, графитовые стены, стеклянные панели с переливами интерфейсов. Даже воздух был другой — сухой, будто отфильтрованный.

Оникс. Школа, в которую не поступают — в неё входят по праву крови. Здесь учились дети нефтяных магнатов, судей, генералов, владельцев телекоммуникационных корпораций. И она. Девочка из бывшей квартиры с облезлой краской на стенах и запахом плесени в ванной.

Тишина. Густая и тяжёлая. Шаги Алисы гулко отдавались в пустом фойе. Справа — стойка ресепшн, за которой сидела девушка в форме цвета мокрого асфальта. Она не подняла глаз. Не предложила помощь. Только экран замерцал при её приближении. Лицо Алисы мгновенно отсканировали, и в уголке монитора появился статус: **Гость: временно. Доступ ограничен.** Под наблюдением.

Холод пробежал по позвоночнику.

— Добро пожаловать, — произнес голос из скрытого динамика. Ни теплоты, ни любопытства. Обычное дежурное приветствие, как из банковской очереди. — Куратор вас встретит на третьем уровне.

Алиса молча кивнула — не экрану, не девушке, а самой себе. Она сжала ремешок рюкзака так, что костяшки пальцев побелели, и пошла вперёд. Каждый шаг — как вызов. Каждый взгляд на стены — как приговор. Зеркальные поверхности возвращали ей отражение с опозданием, будто система сама сомневалась, стоит ли её пускать внутрь.

Лифт был обит чёрной кожей. Без кнопок. Только сенсорный круг. Когда дверь закрылась, Алиса впервые позволила себе вдохнуть глубоко. Сердце стучало в груди слишком громко, и если бы кто-то стоял рядом — наверняка услышал бы.

«Ты справишься», — сказала она себе. Но голос внутри звучал неуверенно. Даже фальшиво.

Третий уровень был похож на бизнес-зал аэропорта, только без окон. Там, в центре большого холла, её уже ждали. Женщина лет сорока в строгом тёмно-синем костюме с бейджем: Куратор дисциплины. За спиной — мужчина в форме охраны, явно не просто так.

— Алиса Соколова, — произнесла куратор с лёгкой усмешкой, словно пробовала на вкус её имя. — Вы прибыли. Документы в порядке. Хотя... — она медленно провела пальцем по планшету, — фамилия ваша у нас вызывает вопросы.

Алиса не ответила.

— Мы привыкли, что фамилии в «Ониксе» открывают двери, — продолжала женщина, — а ваша, увы, только закрывает их. Но... посмотрим, как вы себя проявите. Здесь нет презумпции невиновности, мисс Соколова. Только результаты и репутация.

И взгляд — долгий, колющий. Как рентген.

— Привыкните к правилам, и, возможно, вы станете частью этой системы. А если нет — система вас выбросит. Так же, как... — она чуть наклонилась вперёд, — как вашего отца.

Алиса вздрогнула. Но не подала виду.

Не дай им почувствовать, что ты уязвима.

Класс оказался просторным, с окнами до пола. Парты — индивидуальные, с голографическими экранами, вмонтированными в поверхность. Никаких бумажных тетрадей, ручек. Только электронные браслеты и код-доступ к каждому файлу.

Она вошла, когда урок уже начался. Взгляды — десятки, молча, как выстрел в спину. И тут же — шёпот. Тихий, но проникающий под кожу.

— Это она...
 — Соколова?
 — У неё отец — вор, говорят.
 — Его же с обыском задержали...
 — Пропал после суда.
 — А мать? Сорвалась. В психушке, кажется.

Алиса чувствовала, как холод прокладывает дорожку по позвоночнику. Она сделала шаг вперёд. Смотрела перед собой, но ощущала всё: каждую усмешку, каждый взгляд с отвращением.

Место в углу. Последний ряд. Изолированно. Как тюрьма внутри тюрьмы.

— Ты — чужая, — прошептала ей девочка за соседней партой, даже не повернув головы. Голос был ровным, почти ленивым. — Привыкай. Здесь таких, как ты, не принимают. Только терпят. В лучшем случае.

Алиса сжала зубы. Она не ожидала тёплого приёма. Но реальность была хуже, чем сценарии, которые она прокручивала в голове ночью, глядя в потолок. Слишком красиво. Слишком хищно. Школа, где все улыбаются — и ждут, когда ты оступишься. Чтобы закопать.

На перемене к ней никто не подошёл. Ни с вопросом, ни с насмешкой. Просто — как будто её нет. Тишина, как стена. Только одна девочка с чёрной косой и серыми глазами мельком кивнула — не приветствие, а констатация: *«Ты здесь. Я вижу. Но помогать не буду»*.

Она села в столовой у дальнего окна. Вилка в руке дрожала. Мимо прошли двое мальчиков с одинаковыми золотыми браслетами — знак "наследников" акций нефтяной компании. Один насмешливо вскинул бровь:

— Гляди, как настоящая. А по ней и не скажешь, что со дна.
 — Не со дна. Из болота, — ответил второй и громко засмеялся.

Алиса не ответила. Только сжала зубы и уставилась в тарелку, где еда казалась пластиковой. Её пальцы дрожали. От злости? От стыда? От бессилия?

Нет. От решимости.

Вечером она стояла на крыше общежития. Ветер трепал волосы, холод резал щеки. Внизу город сиял — огнями, деньгами, успехами. Здесь, на высоте, было тихо.

«Ты чужая», — повторяла себе Алиса. — «Но это твоя сила. Потому что тебе нечего терять. А им — есть что».

Она достала из кармана старую зажигалку матери. Щёлк.
 Пламя дрожало — но не гасло.
 Как и она.

— Класс, минуту внимания, — голос куратора прозвучал, как заточенное лезвие, — у нас новенькая.

Шум стих почти мгновенно, но не полностью. Кто-то щёлкнул стилусом, кто-то лениво зевнул, а кто-то с интересом поднял глаза, в которых читалось: *"Новая жертва?"*

— Алиса Соколова, — произнесла куратор, делая паузу. Слишком долгую. Словно ожидала реакции. И она последовала.

Сначала — короткий смешок с последнего ряда. Потом — шёпот, который был достаточно громким, чтобы его слышали все:

— Это она. Папа вор. Мать — психичка.

В классе повисла тишина — но не из вежливости. Из напряжения. Плотного, липкого, как болото. В нём уже плавали зубы.

Алиса почувствовала, как у неё сжалось горло. Но не позволила себе ни одного движения. Ни одной эмоции. Только шагнула внутрь, как по минному полю.

Класс был из тех, где вместо людей — фигуры с фамилиями. Здесь фамилия значила больше, чем личность. И имя её отца...
...здесь звучало как приговор.

— Ты можешь сесть... туда, — куратор указала на одинокое свободное место у окна. — Рядом с Лизой Романовой.

Глухой смех прошёлся по рядам. Кто-то из девочек — с безупречным макияжем, сверкающими серьгами и сплетённой в идеальную косу гривой — прошептала в полголоса, не удосужившись отвернуться:

— Романова — наша святая. А теперь пусть сидит с проклятой.

Алиса прошла мимо. Спокойно. Внутри всё горело. Как в печке, куда подкинули свежих дров. Но на лице — маска.

Она села.

Рядом — девочка с прямой спиной, тонкими пальцами и серыми, слишком внимательными глазами. Лиза. Та самая. Имя всплыло в голове, словно было ей уже знакомо. Может, читала где-то. Может, мать упоминала. Из какой-то старой семьи — влиятельной, «старой школы».

Лиза медленно повернулась к ней и коротко кивнула. Как будто не человек — а автомат. Программа с функцией "нейтральное приветствие".

— Привет, — сказала она ровно, без эмоций.
— Привет, — ответила Алиса, не поднимая глаз.

Новая волна шёпотов. Кто-то нарочно уронил ручку, чтобы прервать момент.
Кто-то другой прошипел:

— Говорят, мать Соколовой пыталась выброситься с балкона. Три раза. В четвёртый — угодила в клинику.
— А папаша? Его же судили, да?
— Его отпустили. Потом он исчез. Деньги потерял — или спрятал?

Каждое слово — как удар. По нервам, по самолюбию, по прошлому.

Алиса сжала руки в кулаки под партой. Она не собиралась плакать. Не собиралась оправдываться. Не собиралась быть удобной.

Всё, что она могла — это выжить.

— Они не остановятся, — вдруг прошептала Лиза.
Голос её был тихим, почти интимным, как у человека, впервые решившегося заговорить по-настоящему.
— Здесь каждая ошибка — билет в ад. Один шаг не туда — и они сотрут тебя.

Алиса чуть повернула голову. Их взгляды встретились. Взгляд Лизы был не жалостливым. Он был предупреждением.

— Я могу помочь. Но мне нельзя, чтобы видели.
— Почему? — прошептала Алиса.
— Потому что я ещё не решила, на чьей ты стороне, — и Лиза снова отвернулась к голографической доске.

Пять минут. Столько понадобилось, чтобы стать мишенью.

На перемене в коридоре Алиса почувствовала: кто-то следит. Не открыто — сквозь отражения в стекле, через камеры, висящие в потолке. Под кожей — зуд тревоги, как будто воздух стал плотнее.

Когда она проходила мимо группы девочек, одна из них нарочно протянула ногу. Алиса, споткнувшись, врезалась плечом в стену.

Смех. Громкий, фальшивый. И тут же — фото. Щелчок. Кто-то уже выкладывает снимок в закрытый чат. Подпись, вероятно, что-то вроде: «Соколова на коленях».

Лиза стояла в стороне. Лицо — каменное. Ни вмешательства. Ни поддержки. Только лёгкий кивок, будто говорящий:
 "Я же предупреждала."

Алиса поднялась. Молча. Пыль с джинсов. Взгляд — прямо в лицо той, что подставила ногу. Девочка по имени Виктория. Сложные косы. Помада цвета крови. Улыбка, как нож.

— Осторожнее, — шепнула Вика. — Здесь мы любим смотреть, как падают. Особенно те, кто думает, что они из другого теста.

— А вы здесь кто? Судьи? — хрипло выдохнула Алиса.

— Нет, — усмехнулась Вика. — Мы здесь — хищники.

Квартира дышала отсутствием. Тишина, пыль, запах давно не выстиранных штор и слишком ровных стен. Алиса провела ладонью по прохладному подоконнику и посмотрела вниз. Из этого окна город казался другим — чужим, серым, почти не настоящим. Она знала: привыкнет. Или заставит себя.

За её спиной тикали старые часы, унаследованные от матери. В них что-то сбилось — стрелки слегка отставали, будто не хотели поспевать за временем. И Алиса тоже.

Она села на диван, вжимаясь спиной в потертый подлокотник, и позволила себе вспомнить. Не вырванный из контекста обрывок памяти, не сжатый момент как в дни, когда приходилось выживать, а настоящее воспоминание. Полное, с запахами, голосами и теми интонациями, что навсегда отпечатываются в подкорке.

После отъезда отца всё стало... другим. Не хуже, не лучше — просто иным. Резче. Холоднее. Алиса переехала к тётке — маминой сестре, женщине с лицом, всегда вытянутым до натянутой строгости, и голосом, звучащим, как заточенное лезвие. Они не были близки. Да что там — они были на разных планетах. Тётя не кричала и не била, но в её доме не было ни объятий, ни улыбок. Там нельзя было быть слабой. Там нельзя было быть собой.

Каждое утро начиналось одинаково: хлопок двери ванной, глухие шаги на кухне, скрежет ложки о край чашки. «Не задерживайся после школы». «Выключай свет». «Ты опять забыла убрать за собой». Алиса жила, как тень — между уроками, репетиторами и редкими сообщениями от отца. Он писал сухо: «Как ты?», «Держись». И всегда — «Извини, что так вышло». Она знала, что ему тяжело. Но тяжесть не делает легче.

Она не винила его. Но простить — тоже не могла.

Первый год она старалась быть «удобной». Идеальной. Учиться на отлично, помогать по дому, не задавать вопросов. Тётя это ценила — но не любила. А Алисе не нужны были оценки. Ей нужна была семья.

Всё изменилось весной десятого класса. Когда она впервые осмелилась сказать:
 — Я хочу поступать в "Оникс". В другой город.
 Тётя даже не подняла взгляд от кружки.
 — "Оникс"? Ты о частной школе, где золотая молодёжь бесконечно делает селфи на фоне фонтанов?
 — Это мой шанс.
 — Ты не потянешь. Ни по деньгам, ни по уровню.
 — Я потяну. У меня есть квартира. Родительская. Мне разрешили туда переехать.
 Тогда тётя подняла глаза. В них не было гнева — только усталость.
 — Если ты сбежишь — больше не возвращайся.

Слова резанули. Но Алиса знала: это — не угроза. Это — освобождение.

В день, когда она приехала в квартиру родителей, всё было словно покрыто пленкой. Пыльный свет, скрип ключа в замке, и тихое эхо собственных шагов в пустых комнатах. Здесь всё напоминало. Не вещи — а отсутствие вещей. Как будто кто-то бережно вырезал из пространства самое важное.

На стене всё ещё висела старая карта мира — синие и зелёные пятна, которые она с отцом раскрашивала фломастерами, мечтая о путешествиях. В углу — кукла с выгоревшими волосами, забытая в коробке. И календарь — оборванный на месяце, когда всё рухнуло.

Первую ночь она почти не спала. Сидела на подоконнике, укутавшись в плед, и смотрела на звёзды. Ей казалось, что где-то там, в одной из квартир на соседней улице, отец тоже не может уснуть. Что он чувствует её боль. Что, возможно, тоже сидит с чашкой остывшего чая и вспоминает, как они были семьёй.

«Я справлюсь», — прошептала она. Не себе. Не ночи. Маме.

Жить одной оказалось не страшно. Страшно — это когда ты среди людей, но никто не видит, что ты тонешь. А тишина, как ни странно, лечила.

Она поступила в "Оникс". Оформляла документы сама. Ходила в приёмную комиссию, объясняя, почему хочет попасть именно сюда. Почему важны не их деньги, а возможности. Почему она — не просто сирота с хорошими оценками. Некоторые смотрели с жалостью. Другие — с насмешкой. Но в конце ей улыбнулись. И выдали ученический пропуск. С того дня она стала "из Оникса".

Она не была одной из них — золотых детей с фамилиями как бренды и часами, дороже её квартиры. Но она держалась. Училась. Слушала. Наблюдала. Искала лазейки.

Алиса научилась быть невидимой, когда надо — и резкой, когда приходится. Она не открывала душу, но собирала пазлы чужих характеров. В этой школе каждый играл роль. Но она знала: под масками — такие же трещины, как у неё. Просто лучше загрированы.

Сейчас, сидя в этой квартире, уже своей, она чувствовала: что-то изменилось. Не сразу, но постепенно. Она перестала быть тенью. У неё появилось имя. Цель. Сила.

Тишина больше не была врагом.

Она открыла окно, впуская прохладу. Листья на деревьях шептали что-то своё, словно подслушивали её мысли.

Алиса встала, подошла к старому письменному столу и выдвинула ящик. Там, под слоем пыли, лежал тот самый календарь. Она провела пальцем по дате, оборванной на середине марта. И улыбнулась.

«Теперь ты знаешь, мама. Я здесь. Я всё ещё иду».

Вечером Алиса открыла окно в своей комнате. Комната была новой, просторной, слишком белой. Но воздух — всё тот же. Тяжёлый. Густой от невидимой паутины взглядов, слухов и страха.

На подоконнике лежал старый, потёртый блокнот. Слова, которые она записывала себе в старой школе, на последней странице:
"Если они захотят сломать тебя — улыбайся. Улыбка больше, чем слёзы."

Алиса взяла ручку. Написала поверх старого текста:

"Они думают, я — змея в траве. Пусть. Я подожду. А потом — укушу."

Глава 2. Встреча с хищником

Глава 2. Встреча с хищником

Школьный коридор был настолько чистым, что в отражении пола Алиса увидела себя целиком: потёртые джинсы, серая водолазка, простая чёрная куртка. Слишком просто. Слишком не отсюда.

Толпа расходилась, как вода перед препятствием. Оникс жил в своём ритме: глухие шаги по глянцу, приглушённые голоса, едва заметные взгляды. Каждый знал своё место. Каждый двигался строго по траектории, которую позволяла фамилия.

Она почти дошла до поворота, когда почувствовала — воздух перед ней изменился. Стал плотным, как перед грозой.

Он просто стоял там. Посреди коридора. Не двигаясь.

Словно врос в пол.

Высокий, темноволосый, одетый в школьную форму, которая на нём выглядела так, будто сшита на заказ. На запястье — часы, небрежно застёгнутые, с логотипом редкой швейцарской марки. Лицо — как вырезанное из мрамора: резкие скулы, тонкие губы, тень щетины, взгляд...

Взгляд, от которого у неё по коже побежали мурашки.

Он смотрел прямо на неё. Не в глаза. Не на лицо. Смотрел... сквозь. Как будто сканировал. Как будто изучал. Как будто выбирал место, куда ударить.

Она замерла.

Молча.

— Ты. — Его голос прозвучал мягко, почти лениво. Но в нём было что-то ядовитое.
— Соколова?

Она кивнула. Невольно. Даже не поняла, зачем.

Он сделал шаг вперёд. Медленно. Не громко, но так, что весь коридор словно на мгновение затих.

— Ты здесь лишняя.

Простые слова. Но сказанные с такой уверенностью, будто это не мнение. А приговор. Как будто он уже видел, как она собирает вещи и покидает школу. Как будто он сам — этот самый Оникс, живой, хищный, и он выносит вердикт.

Алиса стиснула пальцы. Пальцы подрагивали. Но она не отступила.

Всё внутри кричало: «Уйди! Отвернись!» Но она осталась стоять. Смотрела ему прямо в глаза.

Глаза — серо-синие. Как вода в глубоком озере. Холодная. Без дна.

Он прищурился, едва заметно. Весь его вид — расслабленный, но в этой расслабленности было что-то настороженное. Как у зверя, который не спешит нападать, потому что знает — жертва уже поймана.

— Тебе никто не объяснил? — произнёс он тихо, и вдруг оказался слишком близко.
Она не заметила, как он подошёл почти вплотную.

Расстояние — меньше вытянутой руки.

Нарушение. Жёсткое. Преднамеренное. Он вторгся в её личное пространство, как будто хотел проверить — сломается ли она.

— Здесь всё на своих местах. А ты — ошибка.

Губы его дрогнули в тени усмешки.

Алиса хотела ответить. Хотела. Но язык словно прилип к нёбу.

Он ждал. Смотрел, как она молчит. И наслаждался этим.

Но она — не отвела взгляда.

Не дрогнула. Не сжалась в комок. Не сделала ни шага назад.

Он ждал, что она сломается. Но вместо этого — тишина.
 В которой она дышала — ровно. Тяжело. Но ровно.

Секунда. Другая. Его брови чуть приподнялись.

Интерес? Непонимание? Первое... уважение?

— Хм, — он выдохнул.
 Отошёл. Медленно, но резко — как натянутая пружина, которую отпустили. И сразу исчез среди учеников, которые тут же расступились перед ним. Словно перед королём.

Алиса осталась стоять на месте.

Только потом поняла — ногти впились в ладони так сильно, что кожа почти лопнула.

После уроков школа выглядела иначе. Без людского гула, без перешёптываний и нескончаемого шороха шагов она обнажала свою сущность — холодную, стерильную, как хирургический зал.

Алиса не спешила уходить. Она бродила по коридорам, словно проверяя на прочность собственную решимость. Её шаги отдавались эхом в пустых переходах. В зеркальных стенах — отражения, будто не её. Лицо чуть побледнело, губы сжаты, в глазах — сосредоточенность.

Она свернула в библиотечную зону, чтобы взять книгу — не столько ради чтения, сколько чтобы отсрочить момент, когда придётся вернуться в общежитие и остаться один на один с мыслями. Но внутри уже кто-то был.

Он.

Опять он.

Матвей Зимин сидел за длинным столом у окна. Один. Перед ним — открытая книга, но глаза не на страницах. Он смотрел в пустоту, в свои мысли, как будто рассматривал нечто далёкое и ледяное. Его пальцы перебирали край страницы, но не переворачивали её. Левый рукав рубашки был закатан до локтя, открывая запястье — под тонкой кожей выделялись сухожилия, будто провода.

Он услышал её шаги — и не обернулся. Но она почувствовала, как он напрягся. Почти незаметно. Словно присутствие её задело что-то в нём. Струну. Ржавый механизм.

Алиса собиралась пройти мимо.

Но он заговорил.

— Всё ещё не сбежала?

Тон спокойный. Почти равнодушный. Почти.

Она остановилась. Медленно обернулась. Он поднял глаза.

— Не привыкла к бегству, — сказала она, стараясь держать голос ровным.

Угол его губ дёрнулся. Почти-улыбка. Почти-живое выражение. Но в глазах — не тепло. Взгляд был как обжигающий сканер — клинический, изучающий.

— Тогда другое удивляет, — он откинулся на спинку кресла, лениво, но точно — как хищник, устраивающийся поудобнее, прежде чем начать игру.
 — Ты не дрожишь.

— А должна?

Он не ответил сразу. Поставил локти на стол, переплёл пальцы. Смотрел на неё, как на задачу. Не как на человека.

— Все, кто приходят сюда не по крови, — ломаются. Одни быстро, другие медленно. Но ломаются.

Алиса не отвела взгляда.

— Может, я буду исключением.

— Ты будешь интересна, — произнёс он, делая паузу, — когда начнёшь сопротивляться. В груди что-то дёрнулось. Не от страха. От злости. От... вызова?

— А пока ты просто тень, — добавил он.

— Ты говоришь, будто я должна танцевать под твою дудку, чтобы заслужить внимание.

Он приподнял бровь.

— Не совсем. Я говорю, что ты пока ничего не стоишь. Здесь. В системе. Ты не играешь. Не ходишь по полю. Просто стоишь на краю и надеешься, что тебя не заметят.

— А ты не тот, кто играет. Ты тот, кто дергает за нитки.

Он усмехнулся. — Видишь? Уже лучше. Ты начинаешь понимать.

Он поднялся со стула. Медленно. Но в этом движении была сила — затаённая, уверенная. Он подошёл ближе. Слишком близко. Опять. Нарушая расстояние.

Алиса не отступила. Не сейчас. Не перед ним.

— Ты не боишься, — произнёс он медленно. — Это... любопытно.

— Я просто устала бояться, — тихо ответила она. — Это становится скучным.

Он наклонился, едва заметно. В глазах — что-то новое. Не интерес. Завладение. Присвоение.

— Ты мне понравишься, когда начнёшь драться. Когда захочешь ударить. Когда начнёшь понимать, как здесь всё устроено — и начнёшь крушить.

— А если я просто уйду?

— Не уйдёшь.

Он говорит это не как угроза. Как факт.

— Почему?

— Потому что ты такая же, как я, — он говорит это с лёгкой усмешкой. — Я это вижу.

И ты это знаешь.

Она молчит. Потому что внутри... да, в ней что-то отозвалось. Страшное, тихое, цепкое. Как если бы он действительно понял что-то, что она сама в себе отказывалась признавать.

Тот же гнев. Та же боль. Та же решимость — выжить любой ценой.

Он вздохнул. Ненадолго отвёл взгляд, и в этом коротком жесте — доля усталости. Почти человечности. Потом снова посмотрел на неё:

— Ты можешь уйти. Сейчас. Пока. Но чем дольше ты будешь оставаться, тем больше станешь... моей.

Голос не был горячим. Ни грамма страсти. Всё — ледяное, как скальпель.

Алиса дрогнула. Но не сдалась. И сказала:

— Я принадлежу только себе.

— Пока, — прошептал он.

Он ушёл первым. Тихо. Словно знал, что его тень всё равно останется. Зал останется пахнуть его одеколоном. Воздух будет другим. В ней самой — будет другим.

Алиса опустила на ближайший стул. Глубоко вдохнула. Сжимала кулаки, чтобы перестать дрожать. Он не тронул её. Но ощущение, что он залез внутрь, — осталось.

Не похоть. Не вождление. Контроль. Он хотел не её тело. Он хотел сломать волю.

И она... почти позволила.

"Дорогой читатель! Если вам понравилась моя работа, буду очень благодарен за вашу поддержку — подпишитесь на мой профиль и поставьте звёздочку производству. Ваша оценка помогает мне развиваться и радовать вас новыми историями! Спасибо, что вы со мной! ##"

Глава 3. Правила игры

Глава 3. Правила игры

Снег ещё не выпал, но воздух уже пах зимой — хрупкой, колкой, как лезвие бритвы. В школьном дворе дул ветер, такой резкий, что казалось, он срывает с людей маски. Но в «Ониксе» даже ветер был бессилен. Здесь маски были вшиты в кожу.

Алиса вышла на перемену, не ожидая беды. Наивность — опасный наркотик, особенно в местах, где и дети думают, как палачи.

Девочки, стоявшие у фонтана, замолчали, как только она появилась. Их разговоры слились в единый поток шипения. Вика, всё та же — с алой помадой и глазами хищницы, сделала шаг вперёд.

— Мы тут спорили, — сказала она с улыбкой, которая больше походила на оскал. — Ты вообще умеешь смеяться?

Алиса не ответила. Она шла мимо, не замедляя шаг.

— Ну конечно, не умеешь. Тебя же мама в психушке учила молчать, да?

Смех. Колкий, нарочито громкий. Алиса почувствовала, как лицо наливается кровью, но не остановилась. Не поддаваться. Не обращать внимания. Стены. Кирпич. Стекло.

И тут — всплеск.

Мокрое. Холодное. Резкое.

Вода.

Ледяная, из бутылки, плеснули прямо в лицо.

Алиса отшатнулась, захрипела от неожиданности, попятилась. Футболка прилипла к телу. Куртка промокла. Кто-то рассмеялся. Кто-то достал телефон.

— Выложим под хэштегом #УтопиСоколову? — весело предложила одна из девочек.

— А я бы не тратила воду, — добавила другая. — Говорят, у неё и так всё течёт.

Новый смех. Новый укол. Новый уровень грязи.

Алиса стояла, дрожа. Но не от холода. От ярости. Внутри всё пульсировало — боль, унижение, злость. Она смотрела на них, как на стаю собак. Но те видели в ней только игрушку. Сломанную куклу, которую можно топтать без последствий.

И вот тогда она увидела его.

Матвей.

Он стоял чуть поодаль. В сером пальто, руки в карманах. И смотрел.

Спокойно. Почти с интересом. На его лице — ни удивления, ни гнева. Только усмешка. Та, что не оставляла сомнений: он знал, что так будет. Ждал. Наслаждался.

И ничего не сделал.

Ни слова. Ни жеста. Просто наблюдал.

Алиса почувствовала, как всё сжимается внутри. Не от боли — от понимания. Он допустил это. Он хотел этого.

Это была не спонтанная жестокость. Это был тест.

Проверка. Под микроскопом. Ломается ли она. Плачет ли. Убегает. Или — встаёт.

Она вытерла воду с лица рукавом. Медленно. Равнодушно. Подняла взгляд.

На Матвея. Он ждал, что она опустит глаза. Уйдёт. Будет сломленной. Она улыбнулась. Мелко. Мрачно. Насмешливо.

"Ты проиграл, Зимин."

Он моргнул. Первое его движение за всё время. Короткое, почти незаметное — но значимое. Губы сжались. Щелчок челюсти. На долю секунды — замешательство.

Потом он отвернулся. Спокойно. Будто ничего не случилось. Будто сцена окончена, и актриса не оправдала ожиданий.

Позже, в кабинете истории, Алиса сидела рядом с Лизой. Рубашка ещё влажная, волосы прилипали к щекам. Но она не вытиралась. Пусть все видят.

— Ты теперь в игре, — прошептала Лиза, не поворачивая головы. — Я и не собиралась быть зрителем.

Лиза бросила на неё короткий взгляд. Уважение — слабое, но уже зреющее.

— Они думают, что ты — мягкая. Но ты колешься.

— Пусть приходят ближе, — ответила Алиса. — Поцарапаю до крови.

Алиса опаздывала на последний урок. Ноги скользили по кафельному полу, обувь всё ещё была влажной после унижения на перемене. Куртку она спрятала в шкафчик, но рубашка под пиджаком всё ещё держала холод. Влага прилипла к коже, будто след чьих-то рук — чужих, грязных, липких.

За дверью класса уже звучал голос преподавателя. Она встала у порога, выровняла дыхание и постучала.

— Можно?

Взгляды — как иглы. Кто-то фыркнул. Кто-то шепнул что-то Вике, и та заулыбалась в ответ. Преподаватель кивнул без особого интереса.

— Входите. Но в следующий раз — не после рекламы шампуня, Соколова.

Тихий смех пробежал по рядам.

Она вошла, не глядя по сторонам. Села ближе к краю, рядом с Лизой. Но уже через несколько секунд ощутила: кто-то смотрит. Не просто так — *вгрызается*.

Она подняла взгляд — и, конечно, он.

Матвей.

Сидел через два ряда. Пальцы лениво стучали по столу. Книга перед ним закрыта, ручка вертится между пальцами. На лице — выражение абсолютного безразличия. Но глаза...

Глаза были другими. Неподвижными. Ловящими.

И в какой-то момент — он усмехнулся. Едва заметно.

После урока Алиса собирала тетради, стараясь не смотреть в его сторону. Но он подошёл сам. Без спешки. Просто оказался рядом.

— Ты стала красивее, мокрая, — тихо бросил он, проходя мимо.

Слова, сказанные так, будто он не комментирует, а ставит клеймо.

Она замерла.

И только когда он уже отошёл, тело начало реагировать: жар под кожей, рваное дыхание, глухой стук сердца.

Не от удовольствия. От ужаса. Потому что она почувствовала: ей это понравилось. Не слова. Не смысл. А влияние.

То, как легко он её зацепил. Как быстро затянул в свою орбиту. Одной фразой. Одним взглядом. Одной усмешкой, полной того, что не должно было вызывать отклика.

Но отклик был. Жалкий, опасный, неизбежный.

Позже, в туалете, умываясь холодной водой, она смотрела на себя в зеркало. Лицо бледное, глаза — слишком широкие, зрачки расширены. Как у человека, которого коснулась зависимость.

— Он играет с тобой, — сказала Лиза, появившись сзади. — Алиса вздрогнула.

— Ты думаешь, я не замечаю? — Лиза облокотилась о раковину. — Ты стала интересной. А интерес для него — это приглашение. В игру, где он всегда выигрывает.

— Я не играю, — пробормотала Алиса.

— Тогда ты проигрываешь.

Алиса резко вытерлась бумажным полотенцем. Под глазами выступили слёзы. Не из слабости — из ярости на саму себя.

— Ты не понимаешь, — прошептала она.
 — Ошибаешься. Я прошла через это год назад.
 — Он был с тобой?
 — Нет. Но я видела, как он сломал одну девочку. Не прикосновением. Словом. Взглядом.
 — А потом?
 — Она перевелась. Никто не знал почему. Он — знал.

Вечером Алиса вышла на крышу корпуса. Там не было камер. Только ветер и высота. Она села на край, свесив ноги, и достала из кармана зажигалку. Та, что осталась от отца. Открыла, щёлкнула — пламя вздрогнуло, как живое.

— Ты не должна быть здесь одна, — сказал знакомый голос.

Она даже не вздрогнула. Просто медленно закрыла крышку зажигалки.

Матвей стоял в метре. Ветер развеивал полы его пальто, волосы чуть растрепались. Но лицо — спокойное. Почти без эмоциональное. Почти.

— Ты преследуешь меня? — спросила она, не оборачиваясь.
 — Нет. Я просто знаю, где искать.
 — И что тебе нужно?

Он подошёл ближе. Очень близко. Опять. Слишком.

— Ты. Просто. Здесь.

Сказал это так, будто это уже причина.

Она подняла голову и встретилась с его взглядом. Внутри — всё сжалось. Пульс участился.

Он смотрел на неё, как на объект. Но не на тело. А на волю.

— Я не игрушка, — прошептала она.

Он склонился чуть ближе. Ветер пах его одеколоном. Тёплым, пряным. Обволакивающим.

— Я никогда не играю с игрушками. Я играю с теми, кто умеет сопротивляться.
 Он замолчал, потом добавил, с усмешкой:
 — Это делает процесс интереснее.

Он выпрямился и ушёл. Не обернулся.

Алиса сидела на крыше ещё долго. За горизонтом загорались огни города. Внутри — всё горело.

Но не болью. Одержимостью. Не к нему. А к тому, что он разбудил.

И теперь — назад дороги не было.

Глава 4. Наследство

Глава 4. Наследство

Иногда правда не открывается с криком. Она не врывается в твою жизнь, разламывая стены и крича «взгляни на меня». Она приходит тихо. В шелесте страниц. В старом запахе газет. В архивном пыльном воздухе, который будто сам хранит чью-то вину.

В субботу в «Ониксе» было непривычно тихо. Вечером учащиеся разъезжались по домам, и здание на время напоминало то, чем не являлось — обычную школу. Но Алиса осталась. По своей воле. Это стало её первым настоящим выбором в этом месте.

Архив находился в подвале. Доступ был ограничен, но Лиза помогла. Протянула ключ без лишних слов, не спрашивая, зачем. Понимала: если Соколова что-то ищет, значит — это будет больно. И опасно.

Стены хранили сырость и время. Папки, стопки, досье, жёлтые страницы, рассортированные по годам. Алиса рылась, забывая дышать. Её пальцы дрожали не от страха — от какого-то лихорадочного ожидания. Она не знала, что именно хочет найти. Но чувствовала: там — её корни. Или её проклятие.

Наконец — знакомое имя: Соколов Андрей Михайлович. Её отец.

Крупным заголовком — на первой странице:

«Пропал бизнесмен, замешанный в скандале с оффшорами. Последний, кто его видел, — представитель группы "Зимин-Групп"».

Её сердце застучало быстрее.

Другие статьи — пожухлые, но живые, как гнойные раны:

"По данным источников, Соколов занимался теневыми схемами через фирмы-подрядчики Зиминых."
"Внезапный разрыв контрактов. Подозрение в краже миллиона долларов с закрытого счета..."

Сквозь текст — только одно: намёк на вину, но без доказательств.
И главное — без поисков. Ни уголовного дела. Ни следствия. Ни запроса в Интерпол. Просто — исчез.

Стерли.

Алиса дрожащими пальцами достала телефон. Навела камеру. Сфотографировала каждую страницу. Даже те, что не имели прямого отношения — лишь потому, что рядом мелькало знакомое: «Зимин», «разрыв контракта», «исчезновение».

Она нашла и заявление своей матери. Короткое, формальное:

«Прошу признать моего мужа пропавшим без вести. Последний раз он выходил на связь...»

На том же листе — в уголке — кто-то чужой рукой приписал шариковой ручкой:

«Проверь счёт в «Санфоре» — скрытая выплата 12.04»

Это уже не был архив. Это было послание.

Алиса вышла на улицу, будто из подземелья. Воздух казался другим — влажным, гудящим. Она сжала в руке флешку, на которую скинула снимки. Папка называлась просто: «Долг».

Когда она поднялась в свою комнату, в общежитии было пусто. Только шум батарей и ночной гул далёких машин. Она задернула шторы, села на кровать и включила ноутбук. Начала пробивать имена. Сопоставлять даты.

2013 — разрыв договора между компаниями Соколова и Зиминых.
2014 — исчезновение отца.
2015 — смерть адвоката, защищавшего Соколова в другом деле.
2016 — «Зимин-Групп» заключает крупный контракт с государством.

И всё это — без расследований. Без огласки. Без последствий.

Кто-то вычистил следы. Кто-то влиятельный. Кто-то, кто знал, как покрывать свои преступления.

Алиса сидела, обхватив колени руками. Глаза резало от экрана, но выключить его она не могла. Потому что в каждом файле, каждой заметке, каждой строке чувствовала нечто большее, чем историю исчезновения.

Она чувствовала вину. Свою. Чужую. Наследственную.

Ближе к утру — звонок. Без имени. Без фото. Без предупреждения.

Она ответила, потому что внутри уже не было страха. Только пустота.

— Не спится? — голос глубокий, ленивый, почти зевающий.

Матвей.

— Ты звонишь всем девочкам в четыре утра? — её голос был хриловатым от недосыпа.

— Только тем, кто интересует.

— Следишь?

— Я наблюдаю.

Пауза.

— Что ты хочешь? — тихо спросила она.
 — Узнать, что ты нашла.
 — Я не обязана тебе говорить.
 — Конечно.
 Он замолчал. А потом тихо добавил:
 — Но если ты полезла в прошлое — ты уже подписала себе приговор.

Алиса вздрогнула. Но не повесила трубку. Что-то в нём... затягивало.

— Ты знал? — спросила она.
 — Про твоего отца?
 — Да.
 — Конечно.

Глухая ярость начала медленно подниматься в груди.

— И ты не сказал?

— Это не моя история. Это — твоя.
 Он сделал паузу.
 — А теперь — и моя. Потому что ты лезешь туда, где гниёт всё, чего касался мой отец. И если ты не остановишься...

— Что?

— Ты исчезнешь. Как и он.

После звонка Алиса ещё долго сидела в темноте. Свет экрана погас. Но в голове — продолжало мерцать.

Матвей знал.
 Матвей молчал.
 Матвей... предупреждает? Или угрожает?

Она не понимала, кто он. Союзник. Враг. Тень прошлого. Или наследник того, кто разрушил её семью.

Комната была тиха — настолько, что любое движение казалось вторжением, а дыхание звучало, как предательство. Лампочка под потолком мерцала нестабильно, будто сомневалась, стоит ли ей освещать то, что лучше оставить в темноте.

Алиса сидела на полу, прислонившись спиной к холодной стене, перед ней — раскрытый, ветхий, исписанный скорописью блокнот в твёрдом чёрном переплёте. Она нашла его случайно, в картонной коробке с надписью «*Старые вещи. Не выбрасывать*», которую мать, покидая квартиру после исчезновения отца, торопливо затолкала на верхнюю полку антресолей. Почерк был не всегда разборчив, некоторые строчки будто бы писались в спешке, под давлением — как исповедь под пистолетом, другие — аккуратны, сосредоточенны, как у врача, фиксирующего чужую боль, потому что своей слишком много.

Алиса листала страницы медленно, боясь упустить что-то между строк, между пробелов, между глухими ударами сердца.

«Мы думали, что это будет партнёрство. Он дал деньги, но забрал воздух. Началось всё с кофе в его кабинете, закончилось — голосом в трубке ночью: “Не вздумай говорить”».

«Сначала были только угрозы. Потом исчезли документы. Потом — мой Андрей. Я не знаю, жив ли он. Но я чувствую, что нет. Потому что, когда в трубке раздался голос Зимины, я перестала слышать его дыхание рядом».

«Он держал нас за горло. И я молчала».

Эта последняя фраза — выведенная красными чернилами, подчеркнутая, как завещание. Строка, которую трудно было читать вслух, но ещё труднее — оставить без ответа.

Алиса сидела, прижимая дневник к груди, и впервые за долгое время хотела плакать не от боли, а от бессилия. Потому что всё становилось логичным, ясным — пугающе ясным, как момент, когда фокус в объективе наводится на лицо чудовища. Она больше не могла питать иллюзий: исчезновение отца не было несчастным случаем, неудачным делом, ошибкой. Это была **расплата**. Продуманная. Холодная. Без следов.

Он действительно держал их за горло. Всех. И мать выбрала молчание не из трусости — из любви. Она думала, что защитила дочь, стерев часть картины. Но оставила достаточно, чтобы та, взрослая, нашла обрывки, собрание боли, разбросанное между страниц, обрывками слов, и всё равно полезла туда, куда не следовало.

Иногда память прорывается сквозь слои защиты — как нож сквозь плоть. Тихо, незаметно. Без предупреждения. Алиса просто шла по коридору, провела пальцами по краю деревянной панели — и внезапно запах старого лака, скрип половиц под босыми ступнями, дальний голос матери будто вернули её туда, куда она клялась не возвращаться.

...Дом. Их старый дом. До всего.

Комната была наполнена солнцем. И страхом.

Она сидела под кухонным столом, спрятавшись среди ножек, сжимая в руках любимого плюшевого кота — серого, с оторванным ухом. Кот пах папой. Точнее — его одеколоном, терпким и согревающим. Когда отец обнимал её, запах будто закутывал в невидимое одеяло. Но тогда... тогда его не было. Только кровь.

Он вошёл, пошатываясь. Алиса помнила: звук ключей, падающих на пол, и глухое "чёрт", сорвавшееся с его губ. Потом — шаги. Тяжёлые. Медленные. Странные.

— Андрей?.. — Это был голос мамы, хрупкий, полный тревоги.
— Не подходи, — коротко ответил отец. Но она подошла.

Словно сейчас: вспышка красного на его белой рубашке, след на щеке, разбитая губа. Алиса замерла, прижав к себе игрушку. Мать не кричала сразу. Только задыхалась.

— Кто это сделал?.. — прошептала она, касаясь его лица.
— Это неважно. Главное — мы живы. Пока, — сухо ответил он.

Затем — глухой удар кулаком по стене. И голос, тот самый, который Алиса никогда не забудет:

— Ты думаешь, они отпустят просто так? Думаешь, если я молчал, они оставят нас? Ты понятия не имеешь, с кем мы связались!

Мать пыталась возразить. Что-то шептала, сжимая его руки. А потом — хлопок. Не по щеке. Просто ладонью по воздуху. Страх в нём было больше, чем гнева.

Отец отстранился, зашёл в ванную. Заперся. А через несколько секунд оттуда раздался звук воды — как будто кровь можно смыть краном. Как будто можно вымыть вину, страх, поражение.

Мать села у двери. Скрутившись, обняв колени. Руки дрожали. Она не плакала в голос, как делают в кино. Нет. Это было тише. Опаснее. Слезы катились, не сопровождаясь всхлипами. Только плечи вздрагивали.

Алиса не вылезала из-под стола. Кот был её щитом. Мир сузился до его искусственного меха, запаха страха и голосов, рвущих воздух.

Потом был вечер. Мать так и не заговорила снова. Только села за пианино — старое, расстроенное — и, едва касаясь клавиш, сыграла что-то медленное, тоскливое. Отец курил на балконе. Ветер рвал пепел, как и всё, что держало их вместе.

И в тот момент Алиса поняла: что-то треснуло. Что-то внутри семьи, что никогда уже не склеится.

Позже в дверь постучали. Двое мужчин. В форме. Разговор шёл в прихожей. Тихо, но напряжённо. Отец вышел на улицу с ними — без куртки, в той же окровавленной рубашке. Мать сидела в кресле и смотрела в пустоту.

— Алиса, иди к себе, — прошептала она. — Иди, пожалуйста.

Но Алиса не пошла. Она сидела в темноте и смотрела, как уходит её отец.

На следующее утро мать долго говорила по телефону. Просила. Кричала. Угрожала. А вечером села с Алисой рядом и сказала:

— Если кто-то будет спрашивать... скажи, что ты ничего не помнишь.

Тогда Алиса не поняла. Только кивнула.

С тех пор память хранила эту сцену как пленку с прожжённым краем — обрывочную, разрывающуюся, но слишком яркую, чтобы забыть.

Вернувшись в реальность, Алиса ощутила, как на ладони осталась вдавленная в кожу линия — ногти вцепились слишком сильно. Сердце билось в горле. Холод прошёлся по позвоночнику.

Теперь она знала: отец не исчез просто так. И мама не сошла с ума внезапно. Всё было связано. Всё начиналось здесь — в прошлом, о котором ей столько лет запрещали говорить.

И теперь... теперь она собиралась докопаться до правды.

Даже если это снова всё разрушит.

"Ваша поддержка — как кислород для творчества. Подпишитесь и поставьте звёздочку, если хотите, чтобы эта история жила!"

Глава 5. Провокация

Глава 5. Провокация

Платье было не её.

Оно пахло пудрой, старыми духами и чем-то, что напоминало театр. Кружево чуть обтягивало ключицы, а спина оставалась почти открытой — тонкая, бледная, будто вырезанная лунным светом. Это платье когда-то принадлежало её матери. Она нашла его в картонной коробке, глубоко запрятанной на дне шкафа, среди пожелтевших открыток, полу распавшихся фотоальбомов и писем, которые нельзя было перечитывать.

Молочного цвета, с неестественно острыми вырезами и немного не по возрасту, но именно поэтому Алиса его и выбрала. Хотелось быть чем-то другим. Не собой. Не той девочкой, которую каждый день сталкивали плечом в коридоре, обливали водой, называли «дочкой психички» и «жалкой выскочкой».

Сегодня был вечер. Официальный. Один из тех, на которые в «Ониксе» надевали маски дороже личностей. Повод был смехотворный — вручение благодарностей за «осознанную вовлеченность в академическую жизнь». Но в зале уже расставляли бокалы с безалкогольным шампанским, преподаватели улыбались так, будто знали чьи-то тайны, а ученицы выстраивались перед зеркалами, сравнивая ресницы и длину юбок.

Алиса пришла поздно. Специально. Её не ждали.

Когда она вошла — будто кто-то нажал на стоп-кадр.

Тишина была короткой, как вдох. А потом началось.

— Боже, ты это видела? — прошипела одна из девочек с искусственными кудрями, будто вырезанными из глянца.

— Это у неё платье... из бабушкиного сундука?

— Из секонд-хенда, — громче добавила другая. — Или с помойки?

Алиса не отреагировала. Шаг за шагом, будто отмеряя дыхание, она проходила вдоль белых стен. Голова поднята. Спина прямая. Глаза — в пол, но в сердце гремело.

Ты же знала, что будет больно. Но ты всё равно пришла.

Смех за спиной резал острее, чем слова. Но привычно. Она научилась пропускать его сквозь себя. Как ветер.

А потом она увидела **его**.

Матвей стоял у окна, в чёрной рубашке, расстёгнутой на одну пуговицу больше, чем позволяла дресс-код. Окно открыто. Ветер трепал шторы, и вместе с ними — его волосы. В одной руке — стакан с чем-то янтарным, скорее всего, яблочный сок. Но держал он его, как взрослый держит виски. В другой — телефон, который он тут же убрал, когда заметил её.

Он посмотрел.

И не отвёл взгляд.

Долго.

Алиса застыла. На миг. Как зверь, которого высмотрел хищник.

Ничего не произошло. Ни улыбки. Ни жеста. Только взгляд.

Слишком прямой. Слишком уверенный. Слишком... собственнический?

Она отвела глаза первой.

— Думаешь, если покажешь кожу, станешь одной из нас? — язвительно бросила Катя, проходя мимо. Её духи оставляли за собой шлейф сладкого и приторного. — Или думаешь, он на тебя посмотрит?

Алиса промолчала. Но внутри — что-то дрогнуло. Как будто платье стало на размер меньше, как будто ткань стала стеклянной, и каждый взгляд прожигал её до костей.

Она села в дальний угол зала, на крайний стул, ближе к свету от окна. Но не настолько близко, чтобы кто-то подошёл. Смотрела, как остальные смеются, позируют, фотографируются. Их голоса были далекими, как сквозь стекло. Они могли быть в другой галактике — такой же холодной и вылизанной.

— Интересный выбор, — сказал голос.

Она вздрогнула. Обернулась.

Матвей.

Он стоял за спиной. Слишком близко.

— Что? — тихо, но чётко.

— Платье, — уточнил он. — На тебе. Старое, почти винтажное. Не твоё. Но ты выбрала его. Почему?

— Не твоё дело, — быстро.

Он улыбнулся. Но в этой улыбке не было насмешки. Был интерес. Слишком живой. Как будто он считывал её, как книгу, написанную его языком.

— Может, и не моё, — сказал он. — Но теперь я его запомню.

Она сжала пальцы. Плечи напряглись. Почему он всегда говорил *так*, будто каждая его фраза — капкан?

— Ты любишь внимание, — добавил он. — Даже если говоришь, что нет.

— А ты — любишь жертвы.

— Только те, кто не боятся. Они интереснее, — его голос понизился. — Ты стала интереснее, Алиса.

Он ушёл так же тихо, как подошёл.

Вечер закончился. Благодарности раздали. Музыка стихла. Одноклассницы ушли вперёд, переговариваясь и смеясь. Алиса вышла последней.

Снаружи — ночь. Ветер. Снег налипал на волосы, делал кожу ледяной.

Но внутри горело. Не тепло. Огонь. Тонкий, синий, почти невидимый.

Она понимала, во что играет. И кто играет с ней. И всё равно — надела это платье. Как вызов. Как броню. Как провокацию.

Коридоры опустели. Вечер закончился, за окнами стущалась ночь, школа словно выдыхала — избавлялась от лицемерной суеты праздника. Огни в холле стали мягче, будто тусклее. Алиса шла медленно, босоножки постукивали по мраморному полу. Платье, которое поначалу казалось бронёй, теперь сковывало движения. Как будто ткань обратилась в лед.

Она свернула в боковой коридор, где шкафчики вытягивались вдоль стены глухим строем. Здесь было тише. Почти безжизненно. Но именно это место выбрали её мысли, чтобы заговорить громче.

"Ты стала интереснее".

"Я его запомню".

"Ты любишь внимание".

Они повторялись эхом, скреблись изнутри. Не отпуская. Он — Матвей — задел что-то внутри, не физически, но сильнее, чем если бы коснулся. Его слова — острые, точные, безжалостные. Словно хирургические инструменты. Вырезали защиту.

Алиса остановилась. Прислонилась к холодной стене, опустила голову. Всё тело гудело — от напряжения, от взгляда, от ощущения, что наблюдают. Что он — всё ещё где-то рядом. Или уже внутри.

— Думаешь, сможешь манипулировать мной так же? — раздался голос. Тихо. За спиной.

Она обернулась. Он стоял всего в паре шагов. Свет падал на него под углом, отчего глаза казались почти чёрными, без зрачков. Тень от его фигуры тянулась по стене, как чужая сущность.

Алиса выпрямилась. Медленно. Не показывая, что сердце грохочет в груди, будто хочет вырваться наружу.

— Ты опять здесь? — её голос был хриплым, как будто воздух в лёгких закончился.

— Я всегда там, где меня зовут, — он сделал шаг ближе. Не касался. Но пространство между ними стало вязким.

— Я тебя не звала.

— Ложь, — он склонил голову набок, будто изучал. — Ты выбрала это платье. Ты вышла в зал. Ты поймала мой взгляд первой. Это всё — приглашение.

Алиса стиснула зубы.

— Или ты надеялась, что я тоже стану одной из твоих жертв? Придёт, поиграет, бросит?

— Нет, — ответ был слишком быстрым. Она поймала себя на этом.

Он усмехнулся.

— Знаешь, Алиса... Все девочки здесь хотят быть избранными. Хотят моего внимания. Ты — не исключение. Только ты идёшь другим путём. Через бой.

— Я не дерусь. Я защищаюсь, — выдохнула она.

— Ах, правда? — он прищурился. — Значит, то, что ты вышла в этом — это тоже защита?

Он провёл рукой рядом с её плечом. Почти касаясь — но нет. Никогда не касаясь. Этот жест, этот намёк был хуже прикосновения. Потому что заставлял воображение дорисовывать.

— Ты боишься быть собой, поэтому надеваешь маску. Но маска стала тонкой. Я вижу под ней. И, знаешь, мне нравится то, что под ней.

Она отступила на шаг. Уперлась лопатками в стену. Дальше — некуда.

Он наклонился чуть ближе. Его дыхание было спокойным. Ледяным. Контролируемым.

— Но вот что меня бесит, Алиса, — прошипел он почти на ухо. — Ты думаешь, что мы равны. Что ты можешь играть в эту игру со мной на равных. Что, посмотрев в глаза, ты сможешь сделать из меня свою игрушку. Подобно тем, кто пытался сделать это с тобой.

Она смотрела прямо. Не дышала.

— Но ты ошибаешься, — его голос дрожал от злости. Под кожей — вулкан. — Я не игрушка. И не твоя цель. Я — ловушка. Ты уже внутри. Только ещё не осознала.

Молчание. Оно упало, как снег — беззвучно, но всё меняя.

Алиса с трудом сглотнула. Её ладони были холодными, но между лопатками вспыхнул жар. Её не пугали слова. Её пугало, что он прав. Что она *действительно* вошла в это добровольно. Платье — да. Взгляд — да. Желание быть замеченной — да.

Но зачем? Чтобы победить? Или чтобы быть съеденной?

— Ты пугаешь меня, — сказала она наконец.

Он посмотрел в глаза. Долго. Пронзительно.

— И это правильно, — ответил он, выпрямляясь. — Потому что страх — значит жизнь. Страх — значит ты ещё не мертва.

Он развернулся и ушёл. Не оглянувшись.

Алиса стояла, будто её прибили к стене. Дыхание вернулось только спустя полминуты. Она смотрела ему вслед, как смотрят на ураган, который только что пронёсся — и пощадил. В этот раз.

Когда она вернулась домой, платье будто прилипло к телу. Она не могла снять его. Как будто вместе с ним сняла бы и кожу.

Перед зеркалом она остановилась. Долго смотрела на своё отражение.

И впервые подумала: *А кто я, если не отражение чужого взгляда?*

Глава 6. Ловушка в библиотеке

Глава 6. Ловушка в библиотеке

Библиотека в "Ониксе" не была просто помещением с книгами. Она была храмом. Огромным, с колоннами до потолка, с витражами, через которые солнце резало пол светом, похожим на лезвие. Воздух здесь был другим — глухим, с привкусом пыли, старых страниц и молчания. И всё же Алиса любила приходить сюда. Иногда. Только когда школа засыпала, когда шелест шагов по мрамору становился глухим, а голоса в голове — чуть тише.

Сегодня был именно такой вечер.

Она проскользнула в книгохранилище за полуприкрытую дверь — дальнюю секцию, где стояли архивы, старые тома, в переплётах, от которых пахло кожей и временем. Здесь не было камер. Только полумрак и хруст лампы на потолке.

Алиса потянулась к верхней полке, едва касаясь пальцами корешка. Когда-то она бы испугалась темноты. Но теперь пугало другое: мысли, слишком громкие, воспоминания о взгляде — том самом, от которого хотелось одновременно исчезнуть и остаться навсегда.

Щелчок.

Дверь за ней закрылась. Механизм повернулся.

Она резко обернулась.

Он стоял у двери. Матвей. Как всегда — спокойно, без спешки. В одной руке — ключ. Во взгляде — уверенность, словно всё это было по плану.

— Ты следил за мной? — голос дрожал, но она выдавила его.

— Нет, — он сделал шаг вперёд. — Я знал, что ты придёшь. Здесь ты чувствуешь себя в безопасности. Как мышь, нашедшая нору.

— Открой дверь, — ровно, без истерики. Только стиснутые пальцы выдали напряжение.

— А зачем? — он облокотился на полку, медленно. — Ты ведь не боишься меня. Или всё-таки боишься?

Она сделала шаг назад. Ещё один. Но полка упёрлась в лопатки. Пространство, которое было её, сжалось до метра. До нескольких вдохов.

— Ты думаешь, если станешь смотреть прямо, я поверю, будто ты жертва? — его голос стал чуть ниже. Глуше. — Думаешь, я не вижу, как ты играешь?

Алиса сжала кулаки.

— Я не играю.

— Нет? — он склонил голову. — Тогда что это было в зале? Платье? Взгляд? Этот ход — "смотрите, я хрупкая, но красивая, спасите меня"?

Она молчала.

— Ты хочешь, чтобы я поверил в твою невинность, Алиса. Но знаешь, что я вижу? Ловушку. Сладкую, ядовитую ловушку. Для всех остальных — может быть. Для меня — нет.

Он подошёл ближе. Лампа за его спиной мигнула. Его тень выросла, растеклась по полу.

— Ты не такая, как хочешь казаться. Я чувствую это.

Алиса затаила дыхание. Воздуха стало меньше. Пространство — тоже. Он стоял слишком близко. Но не касался. Никогда.

— Ты чего хочешь, Матвей?

— Правду, — сказал он. — Не масок. Не той, кто "не понимает", почему её так выделяют. Я хочу увидеть, кто ты без всего этого.

— А ты? — резко, даже громче, чем хотелось. — Кто ты без своих подпевал? Без взглядов, без контроля, без насмешек? Кто ты, когда остаёшься один?

Он замер. На миг.

В глазах что-то мелькнуло — быстро, как вспышка боли. Но исчезло.

— Не бойся. — Он шагнул ближе. Плечи напротив её плеч. Дыхание — общее. — Я тебя не трону. Пока ты не скажешь: "хватит". А ты не скажешь. Потому что уже зашла слишком далеко.

Он наклонился ближе, но по-прежнему не коснулся. Просто прошептал:

— Мне нравится смотреть, как ты ломаешься.

Алиса не выдержала.

Она подняла руку и с силой ударила его по щеке. Раздался звонкий хлопок, ладонь загорелась от боли, но он... не отпрянул.

Только чуть повернул голову в сторону, потом — обратно. И медленно... улыбнулся.

— Так, — прошептал он. — Началось.

Он отступил. Дал ей пройти. Повернулся к двери, вставил ключ, щёлкнул замок.

— Ты в игре, Алиса. И теперь выхода нет.

Он вышел первым. Оставил её в книгохранилище, между полками, среди книг и хаоса внутри.

Она вышла через несколько минут. Медленно, как будто после шторма. На лице — след от ярости. Внутри — след от его улыбки.

И почему-то... не страх.

А дрожь. От осознания, что она не хочет конца этой игры.

Пока не узнает, кто победит.

Библиотека вновь заполнилась звуками. Не голосами — тишина здесь была священной, слишком плотной, чтобы прорваться словом. Но книги, казалось, слышали всё. Шептали друг другу: «Вот она — ещё одна. Вошла. Сломалась. Осталась».

Алиса шла вдоль стеллажей, держась за полку, чтобы не упасть. Мир вокруг качался. Не от удара — от чего-то иного. От осознания. От того, как легко он вошёл в её пространство, сорвал защиту, не прикоснувшись.

Она не успела дойти до выхода. Он ждал за поворотом, как будто знал, куда она пойдёт.

На этот раз — ближе. Его тело почти касалось её. Алиса хотела отступить, но снова — спина уткнулась в полку. Он зажал её между собой и холодной, шершавой древесиной. Не давал пространства.

— Думаешь, достаточно одного удара, чтобы выиграть? — сказал он тихо. Голос дрожал, но не от слабости — от напряжения, от удерживаемой ярости.

— Это не игра, — прошептала она, всматриваясь в его лицо. — Хватит.

— Хватит? — его губы дёрнулись. — Ты сама сказала это, не я. Сама пришла, сама осталась. Значит, хотела услышать. Хотела узнать, на что способна. Ты думала, я не увижу, как ты меня тестируешь?

Он резко поднял руку, но не ударил. Просто уткнул ладонь в полку у её головы. Она сжалась, но осталась на месте. Не моргнула.

— Ты боишься? — Он склонился ближе. Дыхание обожгло её скулу. — Нет. Ты дрожишь не от страха. От другого.

— От ненависти, — выдохнула она.

— Тогда докажи.

Он сжал её запястье. Не больно — но так, чтобы она не могла вырваться сразу. Контакт. Прямой. Без фильтров, без намёков.

Алиса вскинулась, её вторая рука инстинктивно ударила его — на этот раз сильнее. Щека его дернулась в сторону, но он выпрямился. Не отпустил.

— Вот, — выдохнул он. — Наконец-то ты настоящая.

— Отпусти! — крикнула она.

Он не ответил.

Он смотрел на неё — как человек, который хочет закричать, но давно разучился. В его глазах было что-то пугающее: не агрессия. Пустота.

Но за ней — отчаяние. Слепая, голодная тоска.

Он медленно разжал пальцы. Отступил на шаг.

— Ты бьёшься, как загнанный зверь. Но ты ведь уже чувствуешь это, да? Что ты тоже... не такая. Что тебе нужна не тишина, а ярость. Ты живая только в ней.

— Это неправда, — прошептала она.

— Тогда почему ты осталась?

Алиса не знала, что ответить.

Он медленно провёл пальцами по щеке, где остался её след.

— Я не ударю в ответ. Никогда. Но если ты думаешь, что можешь тронуть меня — и выйти сухой... ты ошибаешься.

Он направился к двери.

Вечер. Коридоры «Оникса» пустели. Камеры следили, как всегда, без эмоционально. Но внутри Алисы всё бурлило.

Она стояла в туалете, смотрела в зеркало. На щеке — слабый румянец. На запястье — след от его пальцев. Не синяк. След.

Она провела пальцем по нему. Ощущение — будто под кожей остался огонь.

Зачем он это делает?

Почему она...

Почему она не остановила его раньше?

— Ты странная сегодня, — заметила Лиза за ужином в столовой. — Как будто... выдернули из мира.

Алиса не ответила. Она думала о библиотеке. О его глазах. О том, что во всём этом было — не только давление.

Там было что-то ещё.

Зависимость.

Позже ночью, в комнате, когда свет уже был выключен, а шелест ветра за окном стал единственным звуком, Алиса медленно подняла руку и коснулась запястья.

То самое место. Где держал он.

Она провела пальцем по коже. Словно хотела стереть, но не могла.

Впервые ей стало страшно не от него.

А от себя.

От того, что она ждала следующего шага.

И не была уверена, хочет ли, чтобы он остановился.

Глава 7. Первая кровь

Глава 7. Первая кровь

Лестничная клетка в «Ониксе» всегда была холодной. Даже в тёплые месяцы от гранитных ступеней тянуло сыростью и чужой тенью. Здесь редко звучали голоса — только отдалённое эхо чых-то шагов, будто сама школа запоминала каждый звук и хранила их в себе, как компромат.

Алиса шла медленно. На второй перемене она решила не возвращаться в кабинет сразу — не хотела слушать, как одноклассницы смеются у неё за спиной, не хотела ловить их фальшивые взгляды в зеркале школьного туалета. Она устала от сдержанности. От игры в незаметность. Но игра всё равно продолжалась — с ней или без неё.

Каблук её туфель зацепился за край ступени, и она, выругавшись под нос, наклонилась, поправляя ремешок. Тишина давила.

Когда она подняла голову — он уже был там.

Матвей.

На полплощадки выше, спускающийся, будто случайно. Слишком грациозно для обычного школьника, слишком медленно для опоздавшего. В его движениях не было суеты. Только расчёт. Он не заметил её — или сделал вид, что не заметил.

И в следующий миг — столкновение.

Всё произошло быстро, но в памяти осталось, как замедленный кадр: его плечо врежется в неё, сильнее, чем требовалось, чем могло быть оправдано. Она теряет равновесие. Пятка срывается с края. Она летит.

Удар о ступень, звон в ушах, острый вкус меди на языке.

Кровь.

Алиса лежит, зажав губу рукой. Боль была острой, но не оглушающей — обидной. Как пощёчина.

Он смотрел сверху. Не с удивлением. С любопытством. Будто рассматривал, как разбивается стекло — красиво ли?

Потом шаг вниз.

Ещё один.

Он оказался рядом. Присел. Поднёс к её лицу платок — белый, тонкий, с вышитыми инициалами. Не школьный. Его.

Она не взяла. Он не убрал.

— Ты всегда падаешь так эффектно? — произнёс он, будто комментируя театральную сцену.

Алиса молчала. Проклятая кровь сочилась по подбородку, капала на воротник. Она попыталась приподняться, но в колене кольнуло болью. Он заметил это и протянул руку.

— Не бойся, я не укушу. Сегодня.

Она игнорировала его. Сжала поручень и попыталась подняться сама.

Он не ушёл.

Только когда она встала, пошатываясь, он отступил.

— Губа, — произнёс он негромко. — Прекрасный штрих. Вот теперь ты настоящая.

Она посмотрела на него с ненавистью. Но он не смотрел в ответ. Он смотрел сквозь. Вглубь.

— Раненая. Живая. — Его голос был низким, с едва уловимой ноткой удовольствия. — До этого ты была похожа на муляж. На девочку из витрины. А теперь... теперь ты можешь быть интересной.

— Ты больной, — прошептала она, сжимая платок, который всё же забрала.

Он усмехнулся. Наклонился ближе.

— Ты начинаешь понимать. Мне не нужны те, кто улыбается, когда им больно. Мне нужны те, кто чувствует. Кто дрожит. Кто горит.

— Ты думаешь, я буду гореть ради тебя?

— Я думаю, ты уже начала.

Он коснулся пальцем капли крови на её подбородке, смахнул её и показал — алый мазок на подушечке большого пальца.

— Твоя первая кровь, Алиса. Добро пожаловать.

В кабинете она сидела молча, не слыша объяснений по математике. Ручка лежала на тетради, но лист оставался чистым. В голове гудело. Губа саднила. Платок был в кармане, свернут в аккуратный комок.

Она думала, как легко он сделал это. Как почти незаметно вытолкнул её за грань.

Сначала толчок. Потом падение. Потом... забота?

Нет. Это не забота. Это контроль. Его власть не в силе. А в том, что он умеет ломать мягко. Через участие. Через присутствие.

На перемене она вышла во двор. Нужно было глотнуть воздуха. Но даже там ей казалось, что он следит. Из окна. Или уже стоит за спиной. Тишина была слишком плотной.

Лиза нашла её минут через десять. Вздохнула, увидев кровь на воротнике.

— Что он сделал?

— «Случайно» столкнулся.

— Да, конечно. Он вообще часто «случайно» разрушает чужие жизни.

Алиса сжала платок в кулаке.

— Я не упала. Он столкнулся.

Лиза отвела взгляд.

— Ты будешь драться с ним?

— Я уже дерусь, — произнесла она, глядя вперёд.

И впервые ощутила, как острое что-то, похожее на азарт, зашевелилось внутри. Потому что в этом падении была правда.

В крови — свидетельство. Взаправду.

Он хотел ранить. Но теперь — она знала, что умеет отвечать. И что дальше — будет только больнее. Для обоих.

Вечером в «Ониксе» коридоры были особенно пустыми. Сквозь окна лился голубоватый свет уличных фонарей, превращая всё в акварельную размытость: мраморные стены — бледные, как кости, перила — как тени, потолок — словно растворён в дымке. Школа сбрасывала дневную маску, становилась настоящей: глухой, равнодушной, чуть пугающей.

Алиса шла медленно, прислушиваясь к собственным шагам. Они глухо отдавались в стенах. Губа опухла, к вечеру кровь остановилась, но осталась тянущая боль и нечто большее — отпечаток.

Он знал, что делал.

Он делал больно — не чтобы извиниться. Чтобы остаться в ней. Забраться под кожу.

У выхода из библиотеки она замедлила шаг. Не потому, что хотела туда зайти — потому что почувствовала взгляд. Он не резал, не обжигал. Он просто был.

И как только она обернулась — он стоял в тени между колоннами, почти сливаясь с ними. Матвей.

На нём была тёмная толстовка, капюшон на затылке, руки в карманах, взгляд — в неё. Прямо. Без попыток сделать вид, что это случайность.

— Всё ещё болит? — голос был почти ласковым. Почти.

Алиса не ответила. Хотелось уйти, но ноги не двигались. Как будто любопытство пере-
сило страх.

Он вышел из тени. Медленно. Словно проверяя её реакцию. Ни тени извинения на лице.
— Ты удивилась? — Он остановился в шаге. — Что я не помог?

Она молчала.

— Я помог. — Он слегка наклонил голову. — Теперь ты — настоящая.

Он поднял руку. Коснулся её щеки — чуть ниже рассечённой губы. Пальцы прохладные,
почти осторожные. Она сжалась — но не отстранилась. И он это почувствовал. Улыбка скольз-
нула по его губам — не добрая, не победная. Хищная.

— Видишь? Вот сейчас — ты живая. До этого ты только казалась.

— Ты псих, — выдохнула она.

— Может быть. — Он убрал руку, но остался близко. — Но разве ты не чувствуешь
разницу?

Она отвернулась.

— Я чувствую, что ты опасен.

— Значит, правильно всё делаю. — Он наклонился ближе. — Потому что именно опас-
ность пробуждает. А всё остальное — фон. Пустой шум. Фальшь.

Он говорил низко, как будто заворачивал. Каждое слово — будто нажим на старую рану.

— Скажи, Алиса, — продолжил он, — когда в последний раз ты чувствовала что-то
настоящее?

— Я чувствую отвращение, — сказала она.

— Нет. — Он усмехнулся. — Ты злишься. Это не одно и то же.

Пауза.

— И если быть честным... ты — боишься. Но даже страх тебе нравится. Потому что он
делает тебя реальной.

Он шагнул ещё ближе, и теперь их дыхания смешивались. Алиса чувствовала его запах:
холод, табак, ночной воздух.

— Я не твоя игрушка, — сказала она.

— Ты — моя игра, — поправил он. — Разница есть. Игрушку ломают. Игру — затяги-
вают. И ты сама выбрала играть.

Он смотрел в глаза, и это был взгляд, от которого хотелось отвести взгляд — но невоз-
можно было.

— Почему я?

— Потому что ты не отвела глаза в первый день. И потому что ты — не пустая. Ты умеешь
страдать. А это редкость здесь, поверь.

— Ты же сам страдаешь, — прошептала она. — Именно поэтому ты ищешь, кому при-
чинить боль.

Он замер.

Что-то мелькнуло в его взгляде. На долю секунды — уязвимость? Боль? Отражение чего-
то, чего он сам боится?

Но быстро исчезло. Снова маска. Снова контроль.

— Возможно. — Он отступил на шаг. — Но теперь твоя очередь. Ты чувствуешь?

— Что?

Он наклонился, словно собирался шепнуть:

— Вкус крови.

И ушёл.

Алиса стояла долго, глядя в пустой коридор. Тишина казалась плотной, как снег в
декабрьском лесу. Мир вокруг замер.

Но внутри неё — не было тишины. Было эхо его слов. Его дыхания. Его взгляда. И что бы она себе ни говорила... внутри просыпалось то, что нельзя было усыпить. Боль, страх, ярость — и что-то другое. Опасное. Сильное. Как наркотик. Он ранил её.

Но это была не просто кровь. Это был след. Клеймо. И она ещё не знала, что — не он, а она теперь начнёт возвращаться к нему. Потому что в этой боли была правда. А в его голосе — тень чего-то, что сотрёт всё остальное.

Комната пахла пылью и старыми страницами. Алиса сидела на полу, прислонившись к стене, перед ней была разложена стопка книг — маминых, с её каракулями на полях, с засохшими цветами между страницами, со следами слёз, впитавшихся в бумагу так глубоко, что даже время не смогло их стереть.

Она нашла коробку на антресолях, где мать хранила любимое. Там было не так уж много: старый тёплый шарф, с запахом лаванды и чего-то домашнего; кукла с вытертым лицом; мамины очки — треснутая оправа, но аккуратно положенные в чехол, будто бы она вернётся за ними завтра. И книги. Вся коробка была словно письмо — не дочке, а миру, от женщины, которая хотела, чтобы хоть что-то осталось.

Алиса перелистывала страницы медленно. В каждом загибе угла, в каждом случайном пятне чернил — след её. Женщины, которую называли сумасшедшей, которая иногда пела, когда мыла пол, иногда плакала, глядя в окно, иногда смотрела на Алису так, как будто видела в ней спасение. Или приговор.

Она не ожидала ничего особенного. Просто листала. И когда из одной книги — потрепанного тома Пастернака — выпала сложенная вчетверо бумага, сердце Алисы сжалось.

Пожелтевший лист был вписан маминым почерком — резким, нервным, будто она писала, боясь, что кто-то войдёт и отберёт ручку.

Иногда, чтобы выжить — нужно исчезнуть.

И ниже:

Ты простишь меня не сразу. Возможно, никогда. Но я надеюсь, что поймёшь. Когда поймёшь — не ищи меня. Просто помни: это не было отказом. Это было боем. И мой бой был за тебя.

Алиса долго смотрела на эти строчки. Потом провела пальцами — осторожно, как по ране. Горло сжалось, будто в нём расправились крылья боли. Та, что молчала все эти годы, вдруг заговорила.

Она отложила бумагу, закрыла глаза — и память всплыла. Резко, без приглашения. Как будто не прошло и дня.

Мама пела.

Тихо, почти шёпотом. Скользила тряпкой по полу, как будто танцевала, пока солнце заливало кухню. Маленькая Алиса сидела на табуретке, качала ногами и рисовала человечков в блокноте.

— Мам, а почему ты грустная?

Женщина вздрогнула. Песня оборвалась.

Она выпрямилась, откинула волосы назад и слабо улыбнулась. Под глазами — синева. На виске — тонкий след от удара, который она не прикрывала.

— Я не грустная, Алиса. Просто думаю.

— Про папу?

Мама не ответила сразу. Поставила ведро, вытерла руки о старое полотенце, подошла и присела рядом. Пальцы прошли по волосам девочки, мягко, почти не касаясь.

— Ты вырастешь сильной, слышишь?

Алиса кивнула, не совсем понимая.

— Но ты не обязана быть мной. Не обязана повторять.

— А я не хочу, — серьёзно сказала девочка. — Я хочу быть капитаном.

— Кем?

— Корабля.

Мать засмеялась — негромко, с надрывом, будто смеялась впервые за много недель.

— Тогда пообещай, что, когда увидишь бурю, не побежишь. Но и не бросишься в неё сломя голову.

— Обещаю.

И тогда она прошептала, будто тайну, заговор:

— Ты будешь сильной. Ты — мой свет. Даже если всё вокруг потемнеет, ты не потеряешь себя. Никогда.

Алиса запомнила эти слова. Тогда они казались просто мамиными странностями. Но теперь... теперь они звучали как пророчество. Как спасательный круг, брошенный через время.

Возвращаясь в комнату, Алиса прижала записку к груди.

Исчезнуть — чтобы выжить.

Может быть, её мать сделала именно это. Слишком многое совпадало: страх, внезапный отъезд, молчание отца, шёпоты в коридорах.

И всё же... не было в той женщине слабости. Она ломалась, но не сдавалась. Пела, когда её ломали. Защищала, когда самой было страшно.

И теперь Алиса знала: то, что она чувствует — не просто тоска по прошлому. Это тень. След. Струна, натянутая от той кухни с детскими рисунками до холодных коридоров «Оникса», где по-прежнему пахло враждебностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.